

УДК 81'42
ББК 81.001.6

СИМВОЛИЗАЦИЯ МИФОЛОГЕМЫ *КОСМОС* В СЕМАНТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ *РУССКОГО ТЕКСТА* «СОВРЕМЕННЫХ ЗАПИСОК»

А.В. Млечко

Статья посвящена анализу специфического семантико-семиотического образования, которое условно определяется как *русский текст* и позволяет рассматривать публикации журнала «Современные записки» в качестве некоторой текстуальной целостности. Механизмы его функционирования демонстрируются на примере мифосимволического анализа прозы И. Бунина.

Ключевые слова: *текст, миф, символ, семантика, мифологема, языковая репрезентация.*

В текстуальном пространстве крупнейшего толстого журнала русской эмиграции первой волны «Современные записки» (1920–1940) можно эксплицировать некоторое проблемно-тематическое и образное единство, условно определяемое как *русский текст* эмиграции. Он включает в себя ряд достаточно константных комплексов, интенционально ориентированных на осмысление российских событий 1917 г. и во многом носящих мифопоэтический характер. *Русский текст* охватывает значительное количество различных эмигрантских текстов, обеспечивая им особую гомеоморфную целостность и делая возможным прочтение даже весьма «нейтральных» текстов с помощью социологического кода, позволяющего транслировать *русский текст* эмиграции на самые разнообразные уровни их структуры – от лексико-грамматического и сюжетно-композиционного до категории «метафизических качеств». Герменевтическая процедура позволяет активизировать в «Современных записках» важнейшие проблемно-тематические комплексы *русского текста*.

«Примарной единицей», которая с наибольшей эффективностью обеспечивает

трансдискурсивность семантического пространства «Современных записок», то есть активное порождение смыслов в художественных текстах журнала за счет корреляции со смыслами текстов других дискурсов (публицистического, философского, мемуарного, исторического и т. д.), и позволяет порождать ситуацию *диалога* между текстами различных дискурсов, обеспечивая тем самым семантическую определенность художественному дискурсу журнала и облегчая ту герменевтическую процедуру, без которой адекватная интерпретация текста журнала в целом чрезвычайно затруднена, выступает *символ*.

Проблемно-тематическое поле, которое представляет собой *русский текст* «Современных записок», содержательно наполняется именно «эмигрантским мифом», неизбежно калькирующим традиционные мифологические циклические структуры и хронотопически ориентированным на трехчастную структуру классического процесса космогенеза: *Хаос – Космос – Хаос*.

Элементы «эмигрантского мифа» структурируются вокруг трех основных мифологем (со своим универсальным «набором» символических оппозиций), символически репрезентированных внутри трех основных тем, реализуемых в художественном дискурсе «Современных записок»: *дореволюцион-*

ная Россия, русская революция, эмиграция. При этом дореволюционная Россия вписывалась в символическую парадигму мифологемы *Космос* (с ее положительной и «созидательной» аксиологией), революционная Россия, соответственно, – в «деструктивную» мифологему *Хаос*, эмигрантское бытие выступало эквивалентом мифологемы *Возвращение (Космос)*.

Художественный дискурс «Современных записок» почти идеально подходит для анализа экспликаций «эмигрантского мифа». Появившись в переходную эпоху, будучи компендиумом прецедентных текстов русского зарубежья, претендуя на место «священного текста» эмигрантской культуры, «Современные записки» и их текстуальное пространство выступают уникальным объектом для демонстрации структуры «эмигрантского мифа». И одно из главных условий такой уникальности – бесспорное совпадение осевой (антибольшевистской) линии эмигрантской идеологии и общей антибольшевистской направленности журнала при внешнем идеологическом разнообразии текстуального ландшафта и «Современных записок», и эмигрантской культуры в целом.

Русский текст, охватывая абсолютное большинство эмигрантских текстов, принадлежащих самым разным дискурсам, обеспечивает им, как мы уже отмечали, особую гомеоморфность, а в специфических условиях (например, будучи помещенными в единое текстуальное пространство, в частности, в журнальное) делает возможным прочтение любых текстов с помощью именно своего кода. Широту амплитуды этого охвата в первую очередь демонстрирует поэтика заглавий эмигрантских текстов, многие из которых с полным правом можно было бы назвать прецедентными. Простое перечисление таких заглавий, содержащих, например, лексемы *русский*, *Россия* или *родина*, займет не одну страницу: «Мысли о России» Ф.А. Степуна, «На родине» М.В. Вишняка, «Пути России» И.И. Бунакова-Фондаминского, «Я унес Россию» Р.Б. Гуля, «Истоки и смысл русского коммунизма» Н.А. Бердяева, «Письма о русской культуре» Г.П. Федотова, «Из размышлений о русской революции» С.Л. Франка, «Миссия русской эмиграции» И.А. Бунина, «Третья Россия» А. Ветлугина, «Затуманившийся мир и русский вопрос» В.Ф. Ива-

нова, «Религия революции и гибель культуры» В.Н. Ильина, «Россия в концлагере» И.Л. Солоневича и многие другие.

Большая часть этих текстов появилась и получила отклики на страницах «Современных записок» – например, среди текстов философско-публицистического дискурса выделяются напечатанные в журнале уже названные нами работы И.И. Бунакова-Фондаминского, М.В. Вишняка, Ф.А. Степуна, Г.П. Федотова – во многом составив ядро того общеэмигрантского идейного единства, объяснение которому ищут современные исследователи: «Очевидно, что мыслители, ставшие очевидцами разрушения привычных устоев российской жизни в результате революции, особое внимание уделяли поискам причин случившегося в истории России и перспективам дальнейшего развития родины. Отсюда – огромное количество работ, посвященных специфике российской истории, анализу социальных и культурных особенностей страны, национального характера, предвидению грядущего» [1, с. 34–35].

Тем самым, философско-публицистический дискурс «Современных записок» является доминирующим в экстраполяции стержневой проблемы *русского текста* – «Россия и революция». Он контагиозует менее идеологически маркированные тексты других дискурсов – художественного, критического, собственно-философского, – однако сам вскоре теряет свою «силу» вследствие изначальной смысловой энтропийности, хаотичности, неопределенности, неспособности предстать в виде более или менее стройного учения, идеи или, как мы увидим дальше, *мифа*, «рассказа о России», что будет под силу лишь менее идеологизированному, более семантически гибкому, «культурно живучему», оказывающемуся способным, словно Протей, не только принимать адекватные культурные формы, но и создавать собственные культурные «матрицы», дискурсу художественному. Философско-публицистический дискурс словно передает художественному «гальванический заряд» основного смысла, чтобы самому, избегая первоначального бессильного пароксизма, вновь принять вернувшийся смысл, стройным и обретшим в результате мутации невиданные ранее пропорции, стать – пусть лишь одним из важнейших – элементом в построении гармонично освещенного целого – эмигрантского мифа, реп-

резентация которого выступает как тактической, так и стратегической целью нашего анализа. Мы можем говорить о трехуровневой структуре «Современных записок» (или вообще «толстого журнала» – с учетом культурно-исторической конкретики) как текстового образования: «Журнальная книга представляет самостоятельную художественную ценность как целостный и завершенный текст» [4, с. 6], в котором, во-первых, выделяется *текстуальное пространство* журнала как формально-содержательная целостность (см.: [3, с. 146–468]), во-вторых, экстраполируется *семантическое единство* (см.: [2, с. 163–301; 5, с. 259–368]) текстуального пространства, определяемое нами как *русский текст* «Современных записок», в-третьих, формируется архитектура *русского текста* журнала – эмигрантский миф.

Основными репрезентантами мифологемы *Космос* в пространстве *русского текста* «Современных записок» выступают *сад* и *дом*, в качестве символических комплексов аккумулирующие спасительную и охранительную символику традиционных культур – символика *Центра*, *мирового древа*, *золотого века*, «*взыскуемого*» *града* и т. д. Реализация данных репрезентантов проходит в рамках центральной оппозиции *сакральное / профанное*. На страницах «Современных записок» – в рамках дореволюционной тематики – эта символика наиболее широко представлена в романах И. Бунина «Жизнь Арсеньева», И. Шмелева «История любовная», тетралогии Б. Зайцева «Путешествие Глеба» и в малой прозе И. Бунина.

Так, *Русский Космос* у Бунина, Шмелева и Зайцева структурируется как неразделимое единство трех базовых символов – *сада*, *дома* и *дерева*, выступающих в качестве архетипических инкрустантов мифологемы *Центр Мира*. *Сад с домом* и центрирующим этот мир *Древом* с неудивительным постоянством выступает у Бунина в качестве единого символического комплекса. В частности, в «Жизни Арсеньева» они образуют единый топос, пространство, наделенное целым рядом символических признаков, главными из которых являются «закрытость» и «надежность». Лишь в пределах этого пространства герой сполна ощущает свое – пусть и временное – счастье. Так, в саду Батуриной усадьбы стоит *заветная ель*, служа-

щая для Алеши символом отцовского крова: *Прекрасна – и особенно в эту зиму – была Батуриная усадьба. Каменные столбы во дворах, снежно-сахарный двор, изрезанный по сугробам полозьями и синими тенями в их следах, широкий проезд между нею и соседской усадьбой, тишина, солнце, в остром морозном воздухе сладкий запах чада из кухонь, что-то приятное, домашнее в следах, пробитых от поварской к дому, от людской к варку, конюшне и прочим службам, окружающим двор... Тишина и блеск, белизна толстых от снега крыши, по-зимнему низкий, утонувший в снегах, красновато-чернеющий голыми сучьями сад, с двух сторон видный за домом, наша заветная столетняя ель, поднимающая свою острую, черно-зеленую верхушку в синее яркое небо из-за крыши дома, из-за ее крутого ската, подобного снежной горной вершине, между двумя трубами, двумя спокойными розово-желтыми дымами... На пригретых солнцем фронтонах крылец сидят, приятно жмутся монашеники-галки, обычно болтливые но теперь очень тихие; приветливо щурясь от слепящего веселого света, от ледяной самоцветной игры на снегах, глядят старинные окна с мягкими квадратами рам* (выделено нами. – А. М.) (I, с. 62).

Исчезновение усадебного космоса не представлялось Буниным лишь как результат российских революционных преобразований. «Естественность» этого процесса он не мог не ощущать и не осознавать – и в этом смысле Бунин не случайно считается продолжателем тургеневских и чеховских традиций. «Усадебный миф» русской культуры вместе с инкорпорированными в него вышеназванными традициями предполагает угасание «дворянских гнезд» – но в первую очередь репрезентирует его как органичное завершение длительного культурно-исторического периода, «золотого века» России. Так, изображая одно из посещений главным героем уже потерянного имения, Бунин в претендующих на публицистичность выражениях замечает: *Сколько заброшенных поместий, запущенных садов в русской литературе и с какой любовью всегда описывались они! В случае чего русской душе так мило, так отрадно запустенье, глушь, разор, распад!* (II, с. 44).

Совершая при этом имманентную *русско-му тексту* процедуру символического переноса образа (потерянного) рая на образ России, но с учетом семантики рая как места грехопадения, в семантическом пространстве «Современных записок» мы со всей ясностью можем выявить взгляд на *Россию как пространство греха*, общепринятость которого для эмигрантской культуры («эмпирического мифа») даже по сей день не оставляет никаких сомнений. Его греховность («испорченность», нечистота) корреспондируется авторами журнала на совершенно разные периоды истории России, и в первую очередь на периоды кризисов, отличающиеся активизацией деструктивных сил, приведших, в итоге, к гибели страны. Чаще всего обвинения – прямые или косвенные – звучали в адрес «левой интеллигенции», облегчившей путь к приходу к власти большевиков. Эти инвективы породили по меньшей мере два любопытных феномена русского зарубежья первой волны – «комплекс вины» (левой) интеллигенции и постоянное обсуждение темы «грехи отцов» эмигрантской молодежью. Безусловно, на страницах «Современных записок» вся эта проблематика была представлена в достаточном многообразии не только в рамках художественного, но и философско-публицистического дискурса.

SYMBOLISM OF A MYTHEM OF *COSMOS* IN THE SEMANTICS ENVIRONMENT OF *RUSSIAN TEXT* OF “SOVREMENNYE ZAPISKI”

A. V. Mlechko

The article analyzes the specific semantic and semiotic unity which can be conventionally determined as the so called *Russian text* and views the texts in the journal of the Russian émigrés “*Sovremennye zapiski*” as a certain textual cohesiveness. These semiotic mechanisms are shown through the examples of the mythological and symbolic analysis of the fiction by I. Bunin.

Key words: *text, myth, symbol, semantics, mythem, representation.*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Волкогонова, О. Д. Образ России в философии Русского Зарубежья / О. Д. Волкогонова. – М. : Рос. полит. энцикл., 1998. – 325 с.
2. Лотман, Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история / Ю. М. Лотман. – М. : Яз. рус. культуры, 1999. – 464 с.
3. Мисонжников, Б. Я. Феноменология текста (соотношение содержательных и формальных структур печатного издания) / Б. Я. Мисонжников. – СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2001. – 490 с.
4. Снигирева, Т. А. «Толстый» журнал в России как текст и свертхтекст / Т. А. Снигирева, А. В. Подчиненов // Известия Урал. гос. ун-та. Сер. «Гуманит. науки». – 1999. – № 13. – С. 5–13.
5. Топоров, В. Н. Миф. Ритуал. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное / В. Топоров. – М. : Издат. группа «Прогресс» – «Культура», 1995. – 624 с.

ИСТОЧНИКИ

- I* – Бунин, И. Жизнь Арсеньева / И. Бунин // Современные записки. – 1925. – № 34. – С. 5–76.
II – Бунин, И. Жизнь Арсеньева / И. Бунин // Современные записки. – 1928. – № 35. – С. 5–73.